

Ксения КУТЕПОВА:

«Я чувствую себя отдельной»

Ксении Кутеповой и ее трем подругам по курсу Петра Фоменко в ГИТИСе повезло. В созданном Учителем театре им не надо было ждать ролей и маяться в массовке. Вся мировая драматургия лежала у их ног, и они, делая первые шаги, играли такие роли, о которых примадонны многих театров могли только мечтать. Раскладывая по театроведческим полочкам творчество Ксении означало бы поверять алгеброй гармонию. Эта хрупкая, мягкая, очаровательная, остроумная юная женщина могла быть обаятельно-стервозной в «Волках и овцах» Островского, уточненно-аристократичной и надменной в уайльдовской пьесе «Как важно быть серьезным», наивной и трогательной в «Месяце в деревне» Тургенева, уморительно глупой во «Владимире III степени» Гоголя, пугающе неуловимой в «Тане-Тане» Мухомовой... Последние роли Ксении — статья особая. И «Семейное счастье», и «Война и мир», и «Танцы на праздник урожая» — это некое новое качество таланта актрисы. Но дело здесь не только в профессионализме и матерстве. Один знаменитый режиссер сказал, что после спектакля на сцене должны оставаться кусочки актерских душ. Именно это происходит на спектаклях, где играет Ксения.

Недавно после долгих дальних странствий «фоменки» вернулись домой. Два месяца колесили они по миру, людей посмотрели, себя показали. Закончилось турне на «Русском сезоне» в японском городе Шизуока в гостях у Тадаши Сузуки. Все тяготы и радости гастрольной жизни разделял с мамой человек по имени Василий, — новое счастье Ксении Кутеповой, народившееся в мае этого года.

— Ваша «Мастерская» стала одним из самых знаменитых театров мира. А вы сами ощущаете себя популярной актрисой, звездой?

— Я не чувствую себя ни популярной, ни тем более звездой. Мне иногда кажется, что меня знает очень узкий круг специалистов. (Смех).

— У вас, да и у всех «фоменок» вообще, заниженная самооценка. Помню, несколько лет назад после спектакля вам преподнесли цветы, чему вы удивились и даже переспросили, действительно ли они предназначены вам. Откуда такая «завкаса»?

— Нас так воспитал Петр Наумович. Он не любит хвалить, редко это делает и терпеть не может дифирамбы в свой адрес. Наши люди относятся к таким вещам осторожно. Главный критерий внутри! Я ведь лучше всех знаю все про себя. Остальное меня поколебать не может. Я реально оцениваю свои силы и способности. Может быть, поэтому и кажется, что самооценка низкая.

— Ответьте, положа руку на сердце: эти овации, похвалы и дифирамбы хотя бы иногда бывают адекватны внутренним ощущениям?

— Да, иногда сыгранные спектакли очень нравятся. Тогда и аплодисменты воспринимаются с удовольствием, и цветы. А иногда спектакль по актерскому ощущению проходит очень плохо и кажется удивительным, что люди довольны.

— Вас очень расстраивает, когда спектакли проходят плохо?

— Обычно из-за этого расстраиваются актеры в начале своего творческого пути. Все кажется ужасным, на несколько дней портится настроение. Ведь актеры очень зависимы от своего дела. Но чем дольше работаешь, с опытом рождается более профессиональное отношение к этому. Во-первых, иногда от тебя ничего не зависит: приходит публика, которую невозможно

но «пробить», растормошить. Бывает, что-то происходит в атмосфере... Словом, удача или неудача спектакля зависит от большого количества факторов. Бывает, что просто «не идет». И нельзя себя насилловать, пытаться «выдавить» из себя то, чего сегодня нет. Ведь актер в работе использует только свои внутренние ресурсы. Иногда может наступить опустошение или даже упадок...

— Кстати, о внутренних ресурсах. Бывает ли так, что в ваших персонажах проявляются черты, которые несвойственны вам, как человеку, как женщине? Эти проявления вас не удивляют?

— Нет. Потому что на сцене — это все равно игра, а не настоящая жизнь.

Я играю в предполагаемого человека. Если этот человек не похож на меня, я постараюсь пофантазировать...

— Иногда приходится слышать, что актер или актриса полностью идентифицируют себя со своим персонажем, ощущают даже некую мистическую связь с ним. У вас такого не бывает?

— Это индивидуальное дело каждого актера. У каждого свои методы, кухня и секреты. Мне, например, нравится, как Лена Морозова, репетируя роль Марлен Дитрих, мистифицировала все и вся вокруг. Молодец! Но у меня так не получается...

— Почему ни Петр Наумович, ни кто-либо из ваших актеров не устраивают вокруг спектаклей если не мистификации, то хотя бы какие-нибудь элементарные пиаровские акции?

— Да, мне кажется, что надо учитывать время, в котором мы живем. И, наверное, пиаровские действия необходимы. В нашем театре об этом никто не задумывается. Думаю, что можно было бы устроить

такое «действие», от которого вся Москва сошла бы с ума.

— Ну, положим, вся Москва и без того сходит с ума! В последние годы в «Мастерской П. Фоменко» что ни спектакль, то событие. Чем это можно объяснить?

— Может быть, тем, что у нас появился свой дом. Раньше мы были «кочующей группой», настоящим табором. Может быть, и сам Петр Наумович не чувствовал дома. А сейчас он у нас появился, и есть возможность усердно и упорно заниматься делом. Может быть, это совпало с периодом творческого подъема у самого Петра Наумовича. Кроме того, собираются «новые силы», пришло уже третье поколение «фоменок». Все это сказывается...

— Как вы думаете, стала ли «Мастерская» театром в полном смысле слова или все же остается лабораторией?

— А была ли она лабораторией? — А почему тогда — «мастерская»?

— Когда после института возникла идея остаться всем курсом вместе и превратиться в театр, то планировалось, что люди будут экспериментировать, мастерить, использовать специфические тренинги.

Думали, что это будет продолжением учебного процесса, чтобы жизнь не превращалась в рутину. Мне кажется, что мы не осуществили эту затею. Мы не стали в полной мере мастерской по духу.

— Но вы ведь отличаетесь от обычных театров, которые производят, так сказать, свою «продукцию», ежедневно играя спектакли?

— Да, но у нас совершенно другие условия. До последнего времени у нас была очень маленькая труппа. И не было возможности играть каждый день. Хотя в месяцы максимальной загрузки мы играли и по двадцать спектаклей! Для актеров

других театров это, может быть, и не покажется огромной цифрой, но мы отличаемся тем, что у нас все актеры играют большие роли. Обычно молодой актер, придя в академический театр, играет много, но это в основном массовка. Ему просто не дают большие роли. Нам в этом смысле повезло, но все же такое количество спектаклей сыграть невозможно. Это огромная нагрузка: и физическая, и душевная. Был один сезон, когда здоровье мое не выдержало...

— Не становится ли театр при такой нагрузке в тягость?

— Нет. Но бывает трудно соответствовать своим намерениям. Хочется, но не можешь! (Смех). Хотя понимаешь, что сделать это ты можешь. Поэтому двадцать спектаклей — это много. Для меня нормальная цифра — десять-двенадцать.

— Какой из последних ролей вы отдаете предпочтение?

— Эти работы очень разные, их даже нельзя сравнивать. В каждой из них были свои сложности. «Семейное счастье» для меня было очень серьезным испытанием прежде всего потому, что пришлось делать то, что раньше никогда не делала, с чем не сталкивалась. Это — огромный опыт. С «Войной и миром» тоже были проблемы. Я очень долго не принимала эту композицию, не понимала, к чему нам эти три части романа, никак друг с другом не связанные и ничем не заканчивающиеся. Словом, долго внутренне сопротивлялась. Я играю там трех персонажей: Сонечку, Лизу Болконскую и Жюли Карагину. Мне очень не хотелось играть Соню и Лизу. Хотя теперь это мои любимые роли. Но поначалу пришлось себя ломать.

— Ну, если в «Войне и мире» вам надо было себя ломать, то, наверное, в «Танцах на праздник урожая» — тем более?

— Да, это был исключительно

опыт, поскольку эту ирландскую пьесу мы делали с режиссером «не фоменковской школы», не нашего клана — Приютом Педаясом из Таллина. Мы никак не могли друг друга понять, и до самого конца работы творческого контакта не появилось. Как будто прилетели с двух разных планет. Хотя по-человечески мы замечательно поладили и даже подружились.

— С чем же это было связано?

— Не знаю. Может быть, с тем, что это был первый опыт работы с режиссером со стороны. Процесс репетиций порой был просто мучительным. Мы недоумевали... Хотя мы благодарны этому режиссеру за то, что он открыл для нас замечательную пьесу. Мне кажется, что эта работа — «на вырост». Она еще долго будет обыгрываться и «обминаться». В «Танцах» я делала завидомо неудобную мне роль. Этот образ по своим проявлениям абсолютно «не мой». В предыдущих ролях — «Семейном счастье» и «Войне и мире» — проявления моих героинь были мне близки и по-актерски удобны. Я в них чувствовала себя комфортно. А здесь я поставила себе задачу сделать что-то неудобное, нехарактерное для себя. Ну, например, придумала низкий голос, убогую пластику, отсутствие женственности. И в этом несоответствии был особый интерес. На эту «ломку» ушло два месяца...

— Из бесед с вашими коллегами я понял, что многое в этом спектакле вы сделали сами: и роли построили, и атмосферу создали...

— Не знаю... Я подозреваю, что мы избалованы Петром Наумовичем. Он нам разбирает роли «от и до!». Играть плохо в его спектаклях сложнее, чем играть хорошо. Это правда. Он делает для актера все! В этом смысле, наверное, все актеры завидуют нам. Но здесь палка о двух концах. Работая с режиссером, который этим не занимается, мы вдруг оказываемся беспомощными. Не могу сказать, что мы не умеем выстроить себе роль, расставить акценты, разобрать пьесу. Но Фома делает это просто блистательно и облегчает нам в этом смысле жизнь.

— А не хочется ли иногда выбраться из-под опеки режиссера, который выстраивает тебе все «до пальчика»?

— Если говорить о Петре Наумовиче, то он, действительно, выстраивает все «до пальчика», но безумно радуется, когда ты делаешь что-то самостоятельно, импровизируешь. Он очень это приветствует. Он оставляет тебе свободу! Это удивительное качество... Притом, что иногда все внутри «закипает»: «Ну почему я должна говорить с этой интонацией?! У меня совсем другая мелодика речи от рождения!» Иногда бывает невыносимо! Но это потом отбрасываешь. Лишь бы остался смысл происходящего, ситуация. И Фома бывает счастлив, если ты сама что-то привносишь в эту ситуацию.

— Часто ли удается импровизировать?

— Если удастся, то это прекрасно! В такие минуты ты испытываешь ощущение полета, ради которого, пожалуй, имеет смысл заниматься этой профессией. Я думаю, что самое большое удовольствие актер получает именно в такие моменты, когда просто летаешь! Часто ли? Ну, не каждый день! (Смех).

— Вы все свои заслуги готовы списать на своего Мастера. Но ведь есть загадочная женская душа ваших героинь, которую вряд ли может постичь мужчина, пусть даже гениальный...

— Петр Наумович может. Он вообще знаток женщин. И мне кажется, что женские роли ему в его спектаклях удаются лучше, чем мужские! (Смех). Я думаю, что каждая женщина-актриса должна обязательно поработать с Фомой. Он знает о женщинах все! Лучше, чем мы сами. Он делает разбор роли и подталкивает твою природу к открытию в себе какого-то клапана. И дальше уже происходит то, что трудно объяснить словами. Он помогает тебе «приживить» роль.

— Равнозначны ли для вас репетиции и спектакли?

— На разных этапах жизни я по-разному отвечала на этот вопрос.

Экран и сцена

Сейчас, наверное, равнозначны. Хотя все же репетиция — богаче, потому что ты имеешь право пойти "в другую сторону", имеешь право на ошибку. И как ни странно, багаж, который накапливается во время репетиций, гораздо больше, чем тот, который остается после спектакля. С течением времени в спектакле что-то теряется, что-то "выпадает из багажа" по пути. Но спектакли обладают другим несомненным очарованием — состоянием полета, которое на репетиции не всегда возможно. Во время спектакля есть такие моменты, когда ты себя не контролируешь. Петр Наумович говорит, что в такие моменты актер "поговорил с Богом". Такие моменты — это настоящее наслаждение! Ты совершаешь на сцене такое, что потом, после спектакля, и не можешь осознать. Что-то выплескивается из твоей природы, и повторить это уже нет возможности. Такое состояние, наверное, можно назвать банальным словом "вдохновение". Для меня это всегда загадка. Кстати, такие моменты публика очень чувствует и реагирует на них хорошо. Потому что они подлинны.

— В связи с появлением в вашем репертуаре новых ролей такого масштаба, не ослабевают ли интерес к прежним?

— По-разному. Иногда ослабевают. Роли ведь истощают себя. Но бывает, что возрождаются вновь. Порой ты теряешься: Боже мой! Вчера ведь было, а сегодня что-то из роли исчезло. Куда делось? Мне думается, что роль начинает умирать тогда, когда тебе кажется, что ты уже все сделал и начинаешь ее просто эксплуатировать. Она потихоньку умирает, пока ты вдруг не встревожишься и не начнешь что-то придумывать заново.

— Недавно был на ваших "Варварах" и поймал себя на мысли, что на одном из первых спектаклей ваша Лидия Павловна не показалась мне столь значительной. А теперь она стала чуть ли не главным персонажем. Чем это объяснить, как вы думаете?

— Как-то после "Варваров" к нам за кулисы пришла Ольга Михайловна Остроумова и говорит мне: "Я тоже очень мучилась с этой ролью, какая-то она непрописанная". Так я ее и не сделала". Словом, почувствовала мне. Роль на самом деле написана очень сложно для воплощения. По крайней мере, то, что я хотела сделать, не получилось. Многие из того, что придумала, осталось за рамками спектакля. Сейчас она до сих пор куда-то движется. Может быть, потому что я и после премьеры продолжала над ней работать.

— А с Машей из "Семейного счастья" тоже происходит нечто подобное?

— Да, многие спектакли, в том числе и "Семейное счастье", редко рождаются на премьере. Практически никогда. Хотя на премьере тоже есть своя прелесть — актерское волнение, которое "выносит" актеров. Спектакли доработают, дозревают. Например, "Семейное счастье" невозможно даже сравнивать в начале и сейчас. Это небо и земля! Мы возили этот спектакль в Питер и играли в Александринке! Представляете себе, в огромном зале! Сначала я была в шоке и панике, но мы сыграли его хорошо. Он вдруг на этой громадной сцене раскрылся как-то иначе, появилось новое дыхание.

— Вы когда-то говорили, что Маша в начале спектакля — это почти Наташа Ростова, а в конце она ближе к Анне Карениной. Вы и сейчас акцентируете на этом свое внимание?

— Нет. После года работы я поняла, что Маша — это и не Наташа, и не Анна. Она — некое третье существо. Она — Маша!

— В прессе писали, что ваш спектакль получился лучше, чем повесть Льва Толстого. Вы с этим согласны?

— Не знаю... Мне кажется, Толстой стал лишь поводом для этой работы. Помню, что поначалу повесть мне не очень понравилась. С литературной точки зрения, прежде всего. У нас получилась совсем другая история. Например, у Тол-

стого в финале — хэппи-энд, а у нас большой вопрос... А лучше или хуже? Мы ведь театр, а это совсем другое искусство.

— Вы, как никто другой из вашей команды, блистательно справляетесь с ролями второго плана. Не изменилось ли ваше отношение к таким ролям до настоящего времени?

— Я отношусь к этим ролям нормально. В моем репертуаре было много неглавных ролей. Но, помню, наступил такой период, когда стало тесно, захотелось более длительного периода существования на сцене. А это совсем другой опыт, другая техника. И когда мы сделали "Семейное счастье", где я не ухожу со сцены в течение двух часов, я поняла, что это совсем другие затраты. Но повторяю, что к любым ролям: маленьким и большим, — от-

— Недавно в актерской среде слышал о вас такие слова: вот, дескать "фоменки" варятся в собственном соку, а надо пробовать себя с разными режиссерами, в разных направлениях...

— Может быть... Я очень радуюсь, когда вижу, как много сейчас разных театров, разных направлений в искусстве. Потому что количество — это залог перехода в новое качество. Чем больше люди пробуют, кидаются в ту или иную сторону, тем больше вероятности, что родится что-то новое.

— А с кем из режиссеров вам хотелось бы поработать?

— Я люблю Сергея Васильевича Женовача и хочу с ним поработать еще. Правда, не знаю его планов. Он ведь сейчас набрал свой курс в РАТИ. Так что у него новые "дети". Это, конечно, грустно и горько. Вну-

— Нет, никогда бы не отдала свои роли и не хотела бы играть то, что играет она.

— Мне кажется, что, несмотря на внешнюю похожесть, вы с Полиной не только абсолютно разные актрисы, но и люди. Я не ошибаюсь?

— Нет, не ошибаетесь. Мне кажется, что Полина больше похожа на папу, а я на маму. Она более конфликтный человек, а я более компромиссный. Я стараюсь уходить от острых углов. Она более упряма, решает проблемы эмоционально, а я — более рационально. Хотя...

— Мне не раз приходилось слышать слова о вашем удивительном голосе, о его тембре и запоминаемости...

— Да, и мне про голос многие говорят. Часто даже по голосу узнают на улице.

ношусь одинаково. Лишь бы было интересно.

— А как вы относитесь к вводам на чужие роли?

— У меня не было такой ситуации, когда я бы играла чужие роли и выходила на замену.

— А как же Виола в "Двенадцатой ночи"?

— Я не считаю эту роль вводом. Мы с Полиной по замыслу режиссера Евгения Борисовича Каменьковича с самого начала репетировали обе роли: и Виолу и ее брата-близнеца Себастьяна для того, чтобы можно было потом меняться. Предполагалась некая мистификация, чтобы зритель не понимал, кто кого играет. Эта идея впоследствии не реализовалась, но, когда Полина ушла в декретный отпуск, я стала играть Виолу. Так что это не ввод. Я могу только предполагать, что вводиться на чужую роль — это очень непросто. Потому что существует рисунок другого актера, к которому привыкли партнеры и который невозможно ломать. А во вторых, неинтересно повторять то, что сделано другим. Всегда хочется придумать что-то свое. Как найти компромисс между этими двумя точками, не знаю.

— Вы в работе — достаточно покорная актриса или бываете разногласия с режиссерами?

— У меня были "периоды сопротивления" режиссерам. (Смех). Мне не нравилось то, что они предлагали. Это происходило в основном в институте. Мы ведь учились на режиссерском курсе вместе с режиссерской группой. И между нами были моменты жестких споров и борьбы. Мне казалось правильным собственное видение. Но чем дольше работаю, тем яснее понимаю, что надо созидать что-то совместное. Нельзя сопротивляться режиссеру. Если внутри негодование, то ничего путного не получится.

три поднимается ревность. Но ничего не поделаешь, такова жизнь. Работать с ним — это счастье! Мы всегда с радостью вспоминаем нашу работу над "Месяцем в деревне"...

— Вернемся к тому, о чем говорили вначале. Как вы считаете, не стала ли ваша команда с течением времени сборищем солидных звезд?

— Пока вроде нет. Может быть, меняется отношение зрителей к нам. Есть люди, которые называют нас звездами и соответственно относятся к нам. Но внутренне мы не изменились. Повзрослели, конечно, обзавелись семьями, но солидными дядями и тетями пока не стали. (Смех).

— Когда-то вы сказали, что ваши коллеги в какие-то периоды могли вас раздражать, но как партнеры всегда были интересны вам. Такое чувство сохраняется до сих пор?

— Да, я безумно люблю находиться на сцене с "нашими". Мы понимаем друг друга. Вот, например, сколько бы ни играли "Месяц в деревне", Карен Бадалов меня всегда чем-нибудь удивляет...

— Как-то я сказал вашей сестре Полине, что ее нельзя представить в роли злобной и коварной героини. Она ответила, что это плохо. А вы как бы ответили?

— Мне тоже такая постановка вопроса не нравится. Хотелось бы быть универсальной актрисой, пробовать себя "от и до". Поэтому в "Танцах" я и занималась "ломкой самой себя". Актер ведь не замечает, как обрастает штампами, штампами, приемами. За этим трудно уследить, если играешь много и часто. Нужно счищать с себя эти штампы.

— Вам никогда не хотелось сыграть то, что играет ваша сестра, или, например, поменяться с ней ролями?

— То есть, вам достаточно что-то сказать, и люди оборачиваются?

— Нет, человек может долго вглядываться, пытаться вспомнить, и потом, когда я что-нибудь скажу, наступает "озарение": "Ах, ну да, конечно, как это мы сразу не догадались!" (Смех). Но в этом моей заслуги нет, это врожденное. Спасибо папе и маме.

— У читателей может возникнуть впечатление, что театр для вас — это сплошное "семейное счастье". Но, наверное, он много вас в жизни лишил?

— Да, это так. Началось все это в юности, в институте. Я хорошо помню те свои эмоции и мысли. Мы — голодные и бедные студенты — пропадали в ГИТИСе до полуночи, а то и позже. Потом я плелась домой в темноте и с ужасом думала: "Ну, почему нормальные люди ходят на дискотеки, развлекаются, отдыхают, словом, живут полной жизнью?! Это же молодость, она одна, и вот она проходит! Потом уже будут другие заботы, другая жизнь". Я хорошо помню то состояние недоумения: ради чего я обрекла себя на такую тяжелую жизнь... Ведь, действительно, было очень тяжело. Мы работали очень много. Очень! Поэтому студенчество мне вспоминается не как веселье, беззаботные солнечные денки, а как работа на износ. Актерская профессия очень во многом обедняет природу людей. Она очень их меняет. Мне кажется, что актеры лишаются многих качеств, свойственных обычным людям. Потому что профессия основывается на тебе самом. В этой работе средства выражения — твои душа, тело, мысли, чувства, эмоции... Театр, наверное, лишил меня разносторонности. Ведь ничем, кроме театра, я не занимаюсь. Дома думаю о работе. И в компаниях

обычных людей я порой чувствую себя ущербной, мне бывает скучно и неинтересно. Но как только кто-нибудь где-то в другом углу произнесет слово о театре, я расцветаю и мчусь туда. А так я — бирюк-бирюком, замкнутый, необщительный человек. Кстати, в этом тоже, наверное, виноват театр. Не люблю раскрываться на людях, зона общения у меня узка, очень мало тем, которые мне интересны. Это ужасно! В юности я очень любила книгу Германа Гессе "Игра в бисер". Там речь идет о касте избранных людей, вся жизнь которых проходит в определенных рамках. Они какие-то...

— ...Отдельные?

— Да, да, вот именно — отдельные! Это хорошее слово. Вот и я себя чувствую очень "отдельной".

— Но это же, наверное, здорово. Иначе люди бы не ходили на ваши спектакли и не восторгались бы, если бы вы не были отдельной кастой!

— Ну, может быть...

— Расскажите, пожалуйста, о своей семье.

— Мой муж — Сергей Осипьян. Он замечательный человек, я его очень люблю. По профессии он кинорежиссер, и я очень надеюсь, что когда-нибудь состоится наша творческая встреча в какой-нибудь общей работе.

— Недавно состоялось одно из главных событий в вашей жизни. Как вы чувствуете себя в новой для себя роли мамы, и можно ли надеяться, что с рождением Василия в полку "фоменок" прибавится?

— Роль очень ответственная, и всегда страшно, что не справишься. А по поводу полка "фоменок" очень сомневаюсь...

— Вы только что вернулись с гастролей. Как вас принимали на этот раз?

— Я, наверное, не могу достаточно полно ответить. У тех, кто ездил по Франции полтора месяца, картина более полная... Но могу сказать, что восприятие публики очень менялось в зависимости от географической широты тех стран, где мы играли и соответствующего менталитета людей. Не сравнить, например, то, как принимали "Войну и мир" в Японии и во Франции. Мне кажется, что французы воспринимали нас более эмоционально. Им ведь это более понятно, практически весь спектакль замешан на французской истории. Наши говорят, что в Испании на спектакле было мало народу, но там была очень плохая организация.

— Что вам особенно запомнилось в Японии?

— Мы жили и играли в Шицуоке в Центре Тадаши Сузуки. Он нас пригласил на прогон своего нового спектакля по Чехову. Это было очень интересно. И сам он тоже приходил на наши спектакли: и на "Войну и мир", и на "Семейное счастье".

— Как перенес мамы гастроли Василий?

— (Гордо). Замечательно! Благодаря этой поездке мы оттянули наступление зимы. В Японии, например, было 17 градусов тепла. Для российского человека такая погода в декабре много значит.

— Вы даже после этого "боевого крещения" сомневаетесь в том, что в полку "фоменок" прибавится?

— (Вздых). Ну, конечно, он — сын полка. Все его очень любят и обожают. Но что будет дальше, посмотрим.

— А что будет дальше у вас в творческом плане?

— Мои планы связаны с театром. Как театр, так и я. Как раз на днях у нас должно быть собрание по поводу дальнейшей жизни.

Беседовал
Павел ПОДКЛАДОВ

● Ксения Кутепова
на репетициях спектакля
"Семейное счастье"
Фото В.Л. ПОВСКОГО